

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия приходского духовенства и светской власти на территории Тобольского Севера в синодальный период. К числу вопросов, которые служили поводом для такого рода взаимодействия, отнесены замещение вакантных должностей в приходах, предоставление различного рода метрических сведений по запросам полиции, регулирование взаимоотношений с «инородческим» населением, информирование о происходивших в стране важнейших политических событиях.

Ключевые слова: Тобольский Север; духовенство; приход; обские угры; причт; новокрещенные.

Сведения об авторе: Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет».

Контактная информация: 628602, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ул. Ленина, д. 56, тел.: (3466) 27-35-10; e-mail: roshist@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО – Югры, проект № 18-49-860002р_а.

Духовенство и светская власть на Тобольском Севере совместно решали задачи интеграции региона в общероссийское политическое, хозяйственное и культурное пространство. Их взаимоотношения регулировались законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. В специфических условиях Тобольского Севера роль священно- и церковнослужителей не ограничивалась окормлением верующих и исправлением треб. На них возлагался ряд дополнительных функций, при выполнении которых духовной власти приходилось вступать в тесное взаимодействие со светской. Кроме того, в некоторых случаях чиновникам требовалось сдерживать излишнюю активность представителей духовного сословия, грозившую нарушить сложившийся status quo и политику в отношении сибирских «инородцев», шедшую вразрез с господствующими в данный период тенденциями государственной политики. Можно выделить несколько основных направлений возникавших по данному поводу взаимоотношений.

Первое – взаимодействие светской и духовной власти в решении кадровых вопросов. Как известно, проведенная святителем Филофеем (Лещинским) в 1710-е гг. массовая христианизация коренного населения Тобольского Севера вряд ли была возможна без содействия светских властей. Сохранение и укрепление позиций православия в дальнейшем требовали активного сотрудничества духовной и светской власти. Их формы и направления были обусловлены необходимостью как обеспечить функционирование церковных институтов, так и решать периодически возникающие конфликты на стыке интересов духовенства, чиновников и прихожан.

В первые годы после массового крещения обских угров важнейшей проблемой являлось кадровое обеспечение вновь образованных приходов. Причт зачастую «рекрутировался» из числа местных служилых людей. Хорошо известно, что родоначальником священнической династии Кайдаловых являлся сургутский казак, сопровождавший митрополита Филофея (Лещинского) в миссионерских поездках. Его многочисленные потомки расселились по всему Тобольскому Северу. Однако имели место и случаи обратного перехода церковнослужителей в служилое сословие, вызванные необходимостью замещения вакантных должностей при несении гарнизонной службы и сборе ясака. В качестве примера можно привести случай, описанный во «всепокорнейшем доношении» сургутского заказчика митрополиту Павлу (Конюскевичу). В документе

сообщалось, что сын покойного священника сургутской Троицкой церкви Илья Кайдалов с 1724 по 1734 гг. служил дьячком «в лумпокольских волостях при церкви Рождества Христова». Затем «неведомо каким случаем и по какому указу» приговором сургутской воеводской канцелярии и решением воеводы майора Михаила Пашкова он был определен в пятидесятники вместо умершего казака Данила Нарбекова. Спустя несколько лет последовала жалоба на самоуправные действия светской власти в отношении человека, относящегося к духовному сословию с просьбой вернуть И.А. Кайдалова вместе с детьми «в духовную команду по прежнему за недостатком при святых церквях в дополнение священно и церковно служителей». Сибирская губернская канцелярия постановила «в противности указом учинено и то де отослать ево Илью Кайдалова со всеми троими детьми от той канцелярии в канцелярию ж тобольскую духовную консисторию неудержно...» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58. Л. 2–3). Из приложенной справки следовало, что к концу 1750-х – началу 1760-х гг. в приходских церквях Сургутского заказа не были заполнены вакансии на 11 человек, в том числе 1 священника, 2 диаконов, 2 дьячков, 2 пономарей и 4 сторожей (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58. Л. 3 об.).

Кадровая проблема сохранялась и в дальнейшем, постепенно утрачивая свою остроту из-за естественного воспроизводства. По нашим подсчетам, основанным на материалах 7-й и 8-й ревизий, в период между 1817-м и 1834-м гг. из 42 сыновей старше 11 лет священно- и церковнослужителей Сургутского отделения Березовского благочиния абсолютное большинство связало свою судьбу со службой по духовному ведомству: 22 стали дьячками или пономарями, 13 обучались в духовных учебных заведениях (на 1834 г.), 5 являлись копиистами духовных правлений, 2 поступили на работу в Тобольскую духовную семинарию (1 «служителем», 1 фельдшером), и лишь 1 перешел в крестьянское сословие (Подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 233. Л. 2–6). Судя по рапортам Сургутского и Березовского благочинных за первое полугодие 1884 г., штаты всех сельских церквей были укомплектованы (не хватало лишь одного члена причта в Обдорске) (См.: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 10, 51).

Тем не менее, даже если вакансии и удавалось замещать, уровень образования приходского духовенства долгое время оставался низким. Сложность состояла и в том, что по словам преосвященного Ефрема (Рязанова) «Из епархий многолюдных трудно желающих найти и вызвать на духовную службу в Тобольской епархии, между прочим, и по суровости Сибирского климата, и потому, что поступающие из Европейской России в Сибирь на службу по духовному ведомству не пользуются теми преимуществами, которые предоставлены перемещающимся по гражданскому ведомству» (из отчета за 1873 г.) (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 16). Соответственно, духовенство оказывалось в менее выгодном положении, чем гражданское чиновничество, определяемое на службу в Сибирь. Позитивные сдвиги наметились лишь в пореформенный период. Нами проанализированы данные по 18 настоятелям церквей Березовского и Сургутского уездов по клировым ведомостям за 1841 и 1885 гг. Большая часть священников в 1841 г. нигде не обучалась и, вероятно, имела лишь домашнее образование (11 чел.). Из оставшихся семи трое смогли закончить Тобольскую духовную семинарию. В 1885 г. не проходил обучение лишь один настоятель, достигший к тому времени возраста 79 лет. Остальные получали образование опять же в Тобольской духовной семинарии – 9 (из них окончили – 6), в духовных училищах – 2, в уездных училищах – 6 (Подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35). Ситуация мало изменилась и к 1908 г. Так, из 19 священников Березовского и Сургутского уездов 12 обучались в духовных семинариях (окончили – 4), 6 – в других учебных заведениях (духовные и уездные училища, учительская семинария, сельское начальное училище), 1 получил «домашнее образование» (Подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57, 163). Отсутствие какого-либо образования, кроме домашнего, из правила постепенно превращается в исключение.

Параллельно происходит размывание сословной замкнутости духовенства. Если в 1841 г. все священно- и церковнослужители Березовского благочиния происходили из

духовного сословия, то в 1885 г. среди священников появились представители березовского мещанства и «военных чинов»; среди дьяконов и псаломщиков – представители военных, мещан, крестьян, «инородцев» (все – по 1 чел.) (Подсчитано по: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35). Существенную помощь в закреплении членов причта в приходах Тобольского Севера и пополнении за счет выходцев из других сословий оказывало наращивание материальной поддержки со стороны государства путем увеличения казенного жалования, достигшего в «инородческих» приходах к концу XIX в. 600 руб. в год для настоятеля и 200 руб. в год для причетника. С назначением постоянного денежного жалования положение приходского духовенства становится более стабильным в финансовом отношении, хотя вплоть до начала XX в. в документах неоднократно встречаются жалобы на недостаточность выделяемого, в первую очередь церковнослужителям, содержания. Другими факторами, способствовавшими решению кадровых проблем в приходах Тобольского Севера, являлись перевод сюда священников, совершивших какие-либо проступки (в основном, пьянство), и стремление обеспечить быстрый карьерный рост.

Таким образом, за полтора столетия как по численности, так и по уровню подготовки приходского духовенства произошли существенные позитивные сдвиги благодаря принимаемым государством и Русской православной церковью мерам, а также вследствие происходивших в стране объективных социальных и культурных сдвигов.

Второе направление касалось взаимоотношений светской власти и духовенства при решении общественно-политических и хозяйственных задач. Особое значение имело улаживание конфликтов между причтом и прихожанами или чиновниками. Существовал особый порядок их урегулирования. Если светские лица обвиняли духовных в неправильном исполнении должностных обязанностей, то следствие велось представителями Церкви. В частности, сохранилось дело 1727 г. по обвинению священника Леушинской церкви Ивана Пыхова надзирателем Кондинских волостей Иваном Первитским в том, что тот «Святые дары с полу сметал крылом и над теми дарами литургию дослуживал... В великий четверток на великом входе титул императорского величества не выговаривал... В Филипов пост литургию едину служил...», не исповедовал прихожан, в день тезоименинства императора уехал в другой погост и др. По распросным листам была доказана невиновность священника, после чего митрополит Антоний (Стаховский) отправил указ И. Первитскому, в котором сообщил: «Попу Пыхову быть по-прежнему в Леушинской церкви... И тебе Первитскому о том ведать. И с ним попом пребывать в любви и согласии» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 8. Л. 8).

При обвинении духовных лиц в преступлениях, подведомственных светскому суду, разбирательство поручалось чиновнику, а ему в помощь обязательно привлекался «депутат» от духовного ведомства. Например, в 1749 г. по жалобе остяков князца Ивана Мурасова с товарищи на сургутского протопопа Ивана Кайдалова во взятках и обидах дело вел «сибирского гарнизона капитан Корякин», а «депутатом» к нему епархиальный архиерей определил священника М. Проводникова, о чем была уведомена Сибирская губернская канцелярия (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 393. Л. 3, 4). Аналогичная ситуация сложилась и в 1791 г. при расследовании жалобы остяков ларьякского прихода на настоятеля Я.Я. Кайдалова, обвиненного в привлечении прихожан к строительным и сенокосным работам для своих личных нужд (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206).

Основным поводом для разбирательств служили обвинения в эксплуатации коренных жителей. Государство в лице своих представителей из числа местного чиновничества старалось защищать интересы подданных от злоупотреблений со стороны русскоязычного населения, включая и духовенство. Уже в документах начала 1730-х гг., созданных спустя полтора десятилетия после массовой христианизации, содержатся указания на недопустимость личного обогащения священников за счет «инородцев», т. к. «обретающиеся у новокрещеных духовные персоны от светских управителей имеют порицание яко бы они ездят к новокрещенным для торгов, а не для исполнения треб спасению человеческому служащих» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 5). Аналогичные

просьбы принять соответствующие меры, обращенные к епархиальному архиерею, повторялись в 1780-х гг., 1790-х гг., 1810-х гг.

Зависимость духовенства от светской власти выражалась еще и в том, что со времен Петра I хлебное и денежное жалование вновь учрежденные причты Тобольского Севера получали из Тобольской губернской канцелярии. Выдачи нередко задерживались, и предоставленное самому себе приходское духовенство вынуждено было самостоятельно изыскивать средства для пропитания. Священники занимались торговлей и другими не вполне соответствующими облику духовной особы делами. Это в свою очередь вызывало нарекания светских чиновников. В частности, можно обратить внимание на «Записку» 1856 г. губернатора В.А. Арцимовича, где излагался целый спектр претензий к северному духовенству, в основном связанных с поборами. В «отношении» А.И. Деспота-Зеновича 1863 г. отмечено, что священники «приучили их [остяков] смотреть на духовных особ как на чиновничество, старающееся о соблюдении собственных выгод, чем о действительном соблюдении своих обязанностей» (ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23. Л. 135).

Подобного рода документы появлялись или в результате инспекционных поездок губернаторов, или же после поступления жалоб окружных исправников и других светских чиновников, достигавших некой критической массы. Губернаторы просили пресечь названные ими притеснения и даже советовали производить кадровые перестановки членов причта, находящихся в родственных отношениях. Архиереи уже от своего имени пересылали строгие предписания благочинным не допускать обнаруженных нарушений. Одной из мер являлся сбор подписок с настоятелей с обязательствами не совершать поборов и других противоправных действий, объяснительных от благочинных и духовных правлений (ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23. Л. 135 об.). По получении этих объяснительных делались шаги по наказанию виновных, которые, однако, не были слишком строгими. В основном дело ограничивалось сбором подписок, внушениями и выговорами.

Духовенству приходилось иногда прибегать к услугам чиновников (уездного исправника и чинов полиции) для того, чтобы заставить прихожан-«инородцев» принять решения (устные или оформленные приговорами) о выделении средств на ремонт храмов и причтовых построек. Нижние земские суды, исправники, чины полиции могли содействовать расследованию причин уничтожавших храмы пожаров, кражи церковного имущества. Известен случай, когда в сопровождении полицейского настоятель разъезжал по приходу, собирал сходы местных жителей для голосования по вопросу о месте строительства церкви после пожара (См.: ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 48, 50, 67–67 об.). Присутствие чина полиции было необходимо не как мера безопасности, а для того, чтобы обеспечить настоятелю нужное ему решение.

Примеров, когда светская власть нуждалась в содействии духовенства при выполнении каких-либо конкретных практических задач, гораздо меньше. В частности, к функциям духовенства следует отнести приведение к присяге вступившему на престол новому императору и его наследнику. Информация об обнаружении манифеста и необходимости присяги «всех сословий жителей как городских, так и сельских, исключая лиц женского пола и детей, не достигших 12 летнего возраста» (ГУТО ГА. Ф. И-704. Оп. 1. Д. 96. Л. 396) поступала от Министра внутренних дел губернатору, от него – окружным (уездным) исправникам и епархиальному архиерею. Последний отдавал распоряжение благочинным. Под контролем полицейских властей в церквях население приводилось к присяге, затем «присяжные листы» сдавались полиции.

Вообще же о всех важнейших событиях внутренней и внешней политики, излагавшихся в царских манифестах, предназначенных для «всенародного объявления» указах, население узнавало при оглашении их в церквях. Тобольский Север, разумеется, не составлял исключения. О том, насколько оперативно получали сведения о происходившем в мире местные жители, можно судить по следующему факту. Указ о молебствии по случаю подписания Парижского мирного договора (18 марта 1856 г.) из Тобольска был отправлен

в

С

у

р

). В Верхне-Лумпокольское или Ларьяк эта информация могла попасть не ранее чем через 4–5 дней (скорее всего – 2 недели). Таким образом, в отдаленных приходах узнали об окончании Крымской войны не ранее чем через три с половиной месяца после ее завершения. Чтобы ускорить процесс распространения среди населения подобного рода важной информации, с начала 1880-х гг. духовным консисториям было предписано не дожидаться соответствующих циркулярных распоряжений Св. Синода, а сразу же по получении рассылать копии манифестов и указов, имеющих слова «объявляется всенародно», во все подведомственные приходы (Айвазов 1913: 60–61).

В 1768 г. вышел в свет указ о создании государственных инородческих запасных продовольственных магазинов. Хлеб (мука), а также соль, порох и свинец инородцам продавались в них по цене, всего на 6% превышающей ту, по которой они обходились самим магазинам. В крайних случаях «в годы скудного улова зверей и рыбы» губернатор имел право назначать через запасные магазины необходимое количество хлеба «в раздачу беднейшим безденежно». Система государственных хлебозапасных магазинов создается и на территории проживания хантов и манси. По данным А. Титова, в Березовском округе насчитывалось шесть магазинов «казенного запасного провианта» в Елизарове, Кондинске, Сартынье, Березове, Кушевате, Обдорске (ГУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 193. Л. 31).

Из-за недостатка помещений для хранения светские власти иногда обращались с просьбой о предоставлении таковых к духовенству. Так, Кондинский монастырь, имевший склады для хранения запасов зерна, сдавал их в аренду казне за установленную плату, составлявшую в начале XIX в. 30 руб. в год. Аналогичные возможности имели и некоторые приходские храмы. Так, в работе Х.М. Лопарева приводятся сведения за 1803 г. о содержании казенной соли в церковном амбаре Самаровской церкви с платою за аренду 26 руб. в пользу церкви (Лопарев 1997: 37). В апреле 1810 г. частный кондинский комиссар в рапорте сообщал в Тобольское губернское правление, что настоятель требует увеличить аренду вдвое, что вызвало протест земского комиссара, отвечавшего за обеспечение мукой «инородцев». В письме тобольского гражданского губернатора епархиальному архиерею Антонию (Знаменскому) от 5 мая 1810 г. сообщалось: «Какая цель содержания в Кондинске казенного хлеба? Чтобы всегда обеспечивал продовольствием тамошних обитателей, лишенных средств к производству хлебопашества, а сие требует удерживать умеренную цену на муку. Следовательно, если платить за аренду амбаров такую сумму денег, какую настоятель Константин запрашивает, то сия цена возвысит в отношении жителей кондинского комиссарства цены на хлеб, ибо все издержки должны располагаться на цену хлеба» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 6. Д. 1958. Л. 1а об. – 2). Губернатор просил архипастыря дозволить хранить хлеб в монастырских амбарах за прежнюю цену по 30 руб. в год. В конечном счете стороны пришли к компромиссному решению: арендная плата остается прежней, но казна берет на себя ремонт амбаров (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 6. Д. 1958. Л. 1а, 9). Таким образом, конфликтная ситуация была разрешена благодаря посредничеству губернатора и епархиального архиерея. Со строительством казенных амбаров нужда в аренде церковных хранилищ отпадает.

Как известно, законодательством на православное духовенство было возложено ведение записи актов гражданского состояния (О духовенстве ... 1900: 50). Переписка по поводу выдачи этих справок показывает, что сообщаемые в них сведения предоставляли получателям следующие возможности. Во-первых, они были необходимы при поступлении на службу или же в учебные заведения. В частности, в 1887 г. метрическую справку выдали сургутскому мещанину Н.И. Кайдалову для зачисления на службу «по почтовому ведомству», в 1888 г. Была выдана метрическая выпись о семейном положении унтер-офицера для внесения сведений из нее в послужной (формулярный) список (ГУТО ГА. Ф. И-

1

8 Во-вторых, указанная информация использовалась полицией при ведении следственных дел, а также при оформлении статейных списков политических ссыльных

.

О

п

.

полицию функции заставляли обращаться к причту за метрическими справками через помощника исправника, ответственного за делопроизводство. Мотивировка запросов была сформулирована следующим образом: «Для приложения к производимому мною следственному делу» или «Для следственного дела...» (ГУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 7, 10). Относительно духовных лиц необходимо было указать дополнительно должность и место нахождения.

В-третьих, заключение браков ссыльных с девицами «свободного состояния» допускалось с разрешения светской власти и могло последовать только в результате

Д
Л
И
Т
Е
Л
Ь
Н
О
Й

В-четвертых, в некоторых случаях подобные сведения имели фискальное значение. В конце каждого месяца причт сургутской Троицкой церкви уведомлял начальника местной казачьей команды Омского военного округа о том, «не было ли умерших казаков упраздненной сургутской пешей казачьей команды», указывая также «малолетков мужского пола», достигших 2-летнего возраста и старше на 31 августа 1881 г. (ГУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 2, 34, 57, 63, 118, 145, 156), т. е. ко времени упразднения казачьих штатных команд в Сургутском, Березовском и Нарымском уездах и обращения военных в сословие городских мещан (ПСЗРИ. 3-е: 90). Именной список умерших казаков запрашивался тобольским губернским воинским начальником. Необходимость подобного рода информации, вероятно, связана с тем, что согласно высочайше одобренному мнению Государственного Совета от 19 мая 1881 г. «Об упразднении Березовской, Сургутской и Нарымской казачьих команд и причислении к мещанскому сословию», бывшие казаки в течение десяти лет, т. е. до 1891 г., освобождались от платежей окладных сборов (ПСЗРИ. 3-е: 90). Таким образом, предоставляемые причтом сведения служили основанием для составления и корректировки списков льготных категорий мещан, которым оказывалась Государственная поддержка.

А В целом же без метрики – документа, отражающего базовые социальные характеристики подданного империи, трудно было рассчитывать на то, чтобы изменить свой статус, род занятий и место пребывания. Однако в отношении коренного населения это правило следует применять со значительными оговорками. Власть со времен Петра I всячески стремилась включить «инородцев» в систему демографического учета, но до конца рассматриваемого периода в полной мере этой цели достичь не удалось. Множество остяков и тем более самоедов не вступало в официальный брак (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. незаконнорожденных среди них в несколько раз превышала общероссийские показатели. Господство отношений, характерных для традиционного общества, сводило для «инородцев» к минимуму необходимость получения подобного рода справок и выписок.

9

Метрические сведения, составляемые причтами, нужны были не только для удовлетворения текущих нужд русскоязычных жителей края и запросов гражданских ведомств. Они использовались общественными деятелями при определении численности коренного населения за продолжительные промежутки времени. Полученные результаты становились основой для выработки государственной политики в отношении «инородцев». Характерный пример – дискуссия о «вымирании», разворачивавшаяся на рубеже XIX–XX вв. Начало ее положил известный ученый, профессор Казанского университета, один из

Д
.

основоположников научной гигиены А.И. Якобий (Петрова 2008: 133–136). Он пришел к выводу об «угасании» народов Тобольского Севера (См.: Якобий 1895: 1–25). Его расчеты опирались на материалы приходского учета начала XIX в., преимущественно на исповедные росписи и доступные ему современные сведения конца того же столетия. Другой исследователь – общественный деятель, самаровский лесничий А.А. Дунин-Горкавич – поставил под сомнение выводы А.И. Якобия, мотивируя свое мнение тем фактом, что приходской учет отличался значительными погрешностями и не мог быть использован для

Выполняя роль регулятора нравственных ценностей в обществе, православные причты и миссионеры сообщали гражданским властям о тех непорядках, которые встречались в социальном устройстве. В первую очередь их беспокоила имущественная несостоятельность «инородцев», являвшаяся следствием не только их отсталости, но и коррупционных махинаций вахтеров хлебозапасных магазинов. Надлежащего надзора за кредитной торговлей не существовало. Священники (как и настоятели Кюдинского монастыря) обращали внимание епархиальных властей на то, что остяки находятся в неуплатных долгах за казенный хлеб. В 1884 г. сургутскому благочинному поступил рапорт от настоятеля юганской Богоявленской церкви, где он, объясняя причины падения за последний год продажи ритуальных свечей, сетовал на разорение паствы: «Он [инородец] от дня рождения своего не едал хлеба дешевле руб. серебром за пуд, получая за такую цену хлеб... Не имея возможности уплатить за годовой в казну хлеб, много ли он может и на чего брать воска при церкви?... Содействий со стороны гражданского Начальства нет никаких, несмотря на то, что извещаем и просим оное в таком деле» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 106 об.). Образ священника-заступника и помощника стал частью изменившихся представлений «инородца» о «русском мире», он контрастировал со взглядами на хищного купца, мелкого чиновника, опутывавшего коренных жителей сетями неоплатных кредитов.

Ы

Литература

В

Айвазов И.Г. 1913. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. М.: Печатня А.И. Снегиревой.

Д

ГУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 193.

О

ГУТО ГА. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 233.

В

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 8.

Д

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 393.

У

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58.

Н

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206.

И

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 6. Д. 1958.

Н

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410.

-

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828.

Г

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17.

О

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 35.

Р

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57.

Г

ГУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77.

К

ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15.

Ф

ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 16.

В

ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22.

И

ГУТО ГА. Ф. И-427. Оп. 1. Д. 22.

А

ГУТО ГА. Ф. И-704. Оп. 1. Д. 96.

1

ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23.

9

Дунин-Горкавич А.А. 1996. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерея. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам.

6

Лопарев Х.М. 1997. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень: СофтДизайн.

И

1

1

3

4

—

О духовенстве и о приходах (извлечение из Устава духовной консистории). 1900 // Права и обязанности благочинного приходских церквей. М.: Унив. тип., 43–85.

Петрова З.П. 2008. Ученый гигиенист и общественный деятель Аркадий Иванович Якобий (к 100-летию со дня смерти) // Международный медицинский журнал 2(30), 133–136.

Полное собрание законов Российской империи. 3-е. Т. 1. № 184.

РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42.

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554.

Цысь В.В., Цысь О.П. 2019. Сельское храмовое строительство на Тобольском Севере в XVIII — начале XX веков // Научный диалог 4, 342–358.

Якобий А.И. 1895. Остяки северной части Тобольской губернии (формы угасания, причины и меры помощи): доклад сделан в соединенном заседании комитета Тобольского губернского музея и Тобольского физико-медицинского общества 28 марта 1895 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, Вып. 4, 1–25.

Список сокращений

ГУТО ГА –	Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
РГИА –	Российский государственный исторический архив

*V.V. Tsys’
Nizhnevartovsk, Russia*

ABOUT SOME PECULIARITIES OF RELATIONSHIPS OF PARISH PARKING AND SECOND POWER IN THE TOBOL NORTH IN THE SYNODAL PERIOD

Abstract. The article discusses the features of interaction between the parish clergy and secular authorities in the territory of the Tobolsk North in the synodal period. Among the issues that served as the reason for this kind of interaction were the filling of vacant posts in the parishes, the provision of various kinds of metric information at the request of the police, the regulation of relations with the “foreign” population, and the reporting of the most important political events in the country.

Keywords: Tobolsk North; clergy; parish; Ob Ugrians; clergy; newly baptized.

About the author: Tsys’ Valery Valentinovich, doctor of historical Sciences, Professor of chair of history of Russia, Nizhnevartovsk State University.